

венством с «верхами» [Письмо И. П. Румянцева в губком. ..., л. 74 об–75 об]. Более того, ощущалось присутствие скрытой неопределенной оппозиционности. Примечательно, что партфункционер не скрывал от начальства своей настороженности: «...меня всегда спрашивают и в Цека, и в Урал Бюро Цека и здесь, может ли на Мотовилихе повториться “мясниковщина” или оппозиция вообще... оппозиция здесь возможна – если рабочие только почувствуют невнимательное отношение к их “силе”, каковую они чувствуют в себе» [Письмо И. П. Румянцева в губком, уралбюро. ..., л. 79]. Тем не менее непосредственно перед началом дискуссии реальной оппозиции не фиксировалось⁶.

Не было подозрений в существовании оппозиции и в городской парторганизации, хотя и там нашли выражение ряд проблем, которым было суждено попасть в центр общепартийных дебатов. Так, 21 октября на расширенном пленуме райкома № 2 партиец Сырчиков заявил, что «инициативу ячеек райком отнимает своими вопросами» [Протокол пленума райкома № 2. ..., л. 28 об]. Имелась в виду практика, когда высшая партийная инстанция спускала «вниз» ряд вопросов, обязательных для проработки ячейками «вследствие слабого политразвития низовых партячеек»⁷. Однако стоит обратить внимание на то, что на этом же собрании сказал член бюро райкома О. А. Михайлов – будущий оппозиционный лидер: «...за исключением закамской ячейки, ячейки слишком мало проявляют инициативу в разрешении местных вопросов и находятся на поводу райкома, что в дальнейшем нужно изжить» [Там же]. Примечательно, что Михайлов отметил пассивность рядовых членов партии, будучи в курсе их низкого уровня политического развития⁸. Но, если судить по последующей деятельности, он не был склонен рассматривать это как единственную или основную причину «замирания» внутривнутрипартийной жизни.

Первая Пермская окружная партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1923 г., также затронула «горячие» вопросы. Секретарь контрольной комиссии А. А. Шпагин жаловался, что «среди коммунистов не замечается коммунистической спайки и Партийные Клубы зачастую пустуют. Между тем рабочие беспартийные выражают желанием иметь общение с коммунарами, чтобы в этом общении узнать, кто же стоит у руля правления, друзья или просто захватчики власти» [Протокол I Пермской. ..., л. 4]. Будущий ректор Пермского государственного университета С. Н. Седых еще более резко заметил, «что мы все время варимся в собственном своем соку и что совершенно не замечается выдвижения работников с низов» [Там же, л. 5]. Работники с мест «не могут выдвинуться, т.к. ответственные работники губернских органов не дают возможности им выдвигаться», как заявил Гаврилов. Он же поднял вопрос «верхов» и «низов»: «Уклоны происходят главным образом среди самых ответственных работников, т.к. они, будучи хорошо обеспечены, могут лишней раз выпить, заводить своих лошадей и развезжать в международных вагонах, чего, конечно, не может сделать рядовой коммунист» [Там же, л. 6]. Атмосфера и тематика разговоров, видимо, насторожила секретаря окружкома В. И. Нанейшвили, и он подчеркнул: «Нам нужны крепкие рабочие, единомышленные ряды нашей партии. Никаких колебаний и никаких нездоровых выступлений...» [Там же, л. 10]. Предположительно, партфункционер был в курсе развернувшейся в Москве внутривнутрипартийной борьбы и либо получил, либо разглядел установку секретариата ЦК на борьбу с оппозицией.

В начале декабря на страницах «Правды» обострилась полемика между сторонниками и противниками большинства ЦК. В этих условиях 2 декабря состоялась конференция горрайкома, первым вопросом которой был о «Новых задачах партии» (по статье Г. Е. Зиновьева в номере «Правды» от 7 ноября 1923 г., открывшей дискуссии). Докладывал член окружкома Александр Ильич Баранов, назначенный 27 ноября заместителем председателя окружного агитпропа⁹. Крамолы в выступлении будущего лидера оппозиции не было: речь шла о необходимости завоевания доверия и авторитета у беспартийных рабочих, вовлечения их в решение хозяйственных вопросов через профсоюзы. Уровень низовых ячеек, по мнению Баранова, был зачастую «ниже уровня беспартийных», в то время когда задача состояла в «удержании руководства» ими. Он предложил перестроить ячейки на манер фракции в профсоюзах, которая «прорабатывала» бы вопросы перед тем, как выносить их на собрания беспартийных. Ориентацию на «демократизацию» внутривнутрипартийных рядков отражает фраза: «Наши решения мы должны проводить через рабочие массы». Понимание пределов «демократизации» пермскими коммунистами, как показали прения, различилось. Так, член президиума конференции Г. Г. Елькин сказал, что отныне централизм в отношении ячеек будет ослаблен, но не раскрыл в чем именно; впоследствии он будет выступать противником оппозиции. Хотя один из делегатов прямо заявил, что централизм «лишь мешает работе» ячеек, доминировало

мнение о неготовности к «широкой демократии» или даже отсутствию предпосылок «широкой демократии». Для оппозиционера Михайлова главным вопросом дискуссии была необходимость предоставления большей «самостоятельности» ячейкам. Линию противостояния определил секретарь окружкома, обратив внимание на непригодность «широкого демократизма» – лозунга, который часто приписывали оппозиции в ходе внутривнутрипартийных дискуссий. В данном случае он был увязан (Нанейшвили или автором протокола) с предложением Баранова превратить ячейки в комфракции, что было нетипичной для оппозиционеров идеей. Нанейшвили четко обозначил границы допустимых трактовок внутривнутрипартийной демократии: «Мы должны взять твердый курс на выборные начала, но все-таки в интересах дела иногда приходится отступать [от него]. Рабочую демократию нужно понимать как сплочение партии в одно целое и объединение вокруг себя масс путем обсуждения с ними всех партвопросов». Представляется, что секретарь явно сместил акцент на роль «бюрократии», а не «демократии». Впрочем, несмотря на то что «централисты» могли бы получить большинство голосов, собрание поддержало предложение Нанейшвили не принимать резолюций по вопросу, а начать дискуссию в ячейках [Протокол городской конференции РКП(б) 2 декабря..., л. 66–67].

Однако еще до начала партсобраний в «низах», дискуссионные вопросы были вновь обсуждены «верхами» на состоявшемся 22 декабря расширенном пленуме горрайкома, на котором помимо 14 членов ГК присутствовали 52 члена бюро ячеек и еще 35 партийцев. За двадцать дней, прошедших с последней конференции, многое изменилось: 7 декабря в «Правде» публикуется принятая Политбюро 5 декабря резолюция «О партстроительстве», которая вопреки реактуализации идей «внутрипартийной рабочей демократии» дала повод обеим сторонам продолжить и ожесточить борьбу вокруг вопроса, действительно ли партаппарат способен ее выполнить. Вскоре появилась острая статья Сапронова, призвавшего обновить партаппарат до съезда. А 11 декабря публикуется статья Троцкого «Новый курс», которая помимо защиты права на оппозицию содержала тезисы об ошибочности «старого курса», возможности перерождения старой партийной гвардии и необходимости формирования молодого поколения партийцев. Через два дня передовая «Правды» полностью посвящается «оппортунистическим» ошибкам оппозиции, следуют статьи и выступления с резкой и бескомпромиссной критикой оппозиции, включая обязательное для выполнения постановление Политбюро «Против обострения внутривнутрипартийной борьбы». В сложившихся условиях поддержка оппозиции была сопряжена с большим риском.

На пленуме вновь докладывал Баранов, на этот раз – с недвусмысленной поддержкой меньшинства. В протоколе она изложена кратко:

«Мы сейчас вынуждены осуществить рабочую демократию, которая, по словам тов. Троцкого, раньше не была проведена в виду голода, военных действий и других сложившихся условий. Сейчас же это представляется возможным. Те существующие организационные формы, которыми мы пользовались раньше, сейчас становятся ненужными. Далее знакомит с ходом дискуссии в пров[инции], между товарищами Зиновьевым, Каменевым и тов. Преображенским и др. Знакомит по отдельности с их взглядами на новые задачи партии. Затем говорит, что дискуссия идет в плоскость практического разрешения проведения широкой рабочей демократии и что в ней горячности не должно быть. Неправы некоторые товарищи, говоря о каких-то группировках и оппозициях, которых, по мнению докладчика, нет, а есть лишь критический обзор вопросов» [Протокол расширенного пленума Пермского горрайкома..., л. 47].

В протокольной записи отсутствуют важные детали выступления. Так, не ясно, какие именно «организационные формы» имелись в виду, что подразумевалось под «горячностью» (распространенный выпад в адрес оппозиции) и как оратор относится к Троцкому и Преображенскому. Но, если верить словам одного из участников пленума, Баранов предложил, чтобы в партаппарат обязательно выбрали «новых товарищей». «Левые» симпатии Баранова выдаются уже одним его несогласием с отождествлением оппозиционности и фракционности – довольно частой риторической практикой сторонников ЦК, воспроизведенной первым же участником прений. Другой оратор, Певзнер, прямо сослался на Преображенского, требовавшего от большинства ЦК «гарантий проведения широкой демократии»; в противоположность озвученным ранее суждениям он выступил против назначенства и за «освежение» партаппарата.

В то же время никто из сторонников большинства не обвинял Баранова в оппозиционности, которая, судя по высказываниям, понималась как нечто «приходящее из центра» вместе с дискус-

сией. Так, Певзнер, если верить протоколу, сказал, что «оппозиций нет и тов. Каменев и др. впустую стреляют, говоря об оппозициях». Действительно, в Перми не сформировалось «пермского» поля оппозиции, а местные проблемы даже не фигурировали в числе аргументов несогласных. Но с высокой долей уверенности можно сказать, что *casus belli* для обеих сторон стало назначенство.

На пленуме выступило 14 человек, лишь четверо из них – определенно в поддержку оппозиции, а семеро, в том числе Нанейшвили и ключевые аппаратчики горрайкома, – против нее. Резолюции вновь выдвинуто не было, а Нанейшвили рекомендовал продолжить прения на партсобрании города и Мотовилихи. Примечательно, что Михайлов предложил не расходиться до выработки «мнения» горрайкома, но большинство поддержало секретаря [Там же, л. 47, 89]. Аналогичные собрания в других городах зачастую продолжались подряд два-три дня. Как и отсутствие содоклада сторонников ЦК, краткая дискуссия говорит о неглубоких противоречиях в организации пермских коммунистов.

Развернулась борьба за голоса рядовых партийцев на заседаниях ячеек, т.е. первичных партийных организаций. Коммунисты окружного финансового отдела исполкома заслушали 27 декабря председателя окрисполкома М. А. Советникова, ранее защищавшего позиции большинства на пленуме. По какой-то причине он подчеркнул, что «пока резких расхождений в основах злободневных вопросов не замечалось»¹⁰. На общем собрании ячейки Гвоздарного завода по поводу доклада, содержавшего цитаты из выступления Преображенского, была принята резолюция в поддержку резолюции ЦК, но без прямого осуждения оппозиции. «Бороться со склоками и не выносить ссоры из избы», – в частности, говорилось в ней¹¹. Можно предположить, что на это повлияла позиция секретаря ячейки Ф. К. Ленского, который ранее на пленуме выразил солидарность с идеями Преображенского и заявил: «...не нужно скрывать... что ячейки отпихивали от хозяйственной жизни» [Протокол расширенного пленума Пермского горрайкома..., л. 89].

По ряду причин дискуссионная активность большинства рядовых партийцев была крайне низкой. В то время центральная партийная пресса скорее всего была либо недоступна, либо неинтересна большинству, а местная – не содержала актуального материала. Многие ячейки согласно плану 27–28 декабря обсуждали циркуляр ЦК и ЦКК от 19 октября «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии». Документ содержал красноречивые примеры некоммунистического поведения и провоцировал бурную реакцию¹². Кроме того, циркуляр «каналезировал» протест. Когда обсуждение «излишеств» на многолюдном собрании ячейки рабфака Пермского университета вывело ораторов на более острые вопросы, некий Пятов сказал: «Вопрос внутривнутрипартийных отношений, как и разбираемый вопрос об излишествах, слишком сложные вопросы, чтобы их решить с кондачка. Нас Циркуляр предупреждает, чтобы эта борьба не вылилась в верхи и в низы (борьбу верхов и низов. – А. Р.), необходимо эти вопросы продумать, чтобы не создать склоки – не обходить достоверные факты, а не голословные выкрикивания, – это поведение лиц к склоке. Тише на поворотах»¹³. Для ячейки рабфаковцев обсуждение «нового курса» закончилось, не начавшись. В ячейке Кожзавода В. А. Орлов, ранее на пленуме первым оппонировавший Баранову по вопросу о фракциях, напрямую связал «обострение» дискуссии с излишествами и неравенством, но никто не попытался сделать из этого оппозиционных выводов¹⁴. Работники городского хозяйства и окружного совнархоза заслушали доклад А. С. Боровского (зампред губисполкома, отвечавший за Пермь) и поразмышляв вслух «оппозиционно», единогласно одобрили циркуляр ЦК¹⁵. Партийцы железнодорожной станции Пермь-I в ходе пятичасового собрания бурно обсуждали тематику циркуляра, но прений по вопросу внутривнутрипартийной демократии решили не открывать, а приступить к ним после дискуссии ответственных работников, сославшись на то, что никто, за исключением двух человек, не был знаком с материалами дискуссии¹⁶. Собрание железнодорожников (Главные мастерские) тоже приняло к сведению предстоящую дискуссию в партклубе, хотя, казалось бы, из присутствовавших коммунистов (71 человек) хотя бы несколько могли быть в курсе идущей в печати полемики¹⁷.

Но были ячейки, поддержавшие оппозицию. Работники отдела юстиции окружного суда единогласно приняли довольно смелую резолюцию: «Парторганы совершили несколько крупных ошибок, из которых мы отмечаем: 1) Отсутствие должного планирования в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, породившее “ножницы”, чем ставится под угрозу Союз рабочих и крестьян, 2) Недостаточно умелое руководство промышленностью и торговлей привело к непомерному вздорожанию фабрично-заводской продукции... 3) Ошибки при проведении НЕП

создали фантастические накладные расходы, бесхозяйственность и казнокрадство выросли до невероятных размеров, как это видно из судебных процессов, излишества части ответственных работников дошли до крайности, в рабочих кварталах появились пивные и всякого рода кабаки, парализующие политическую, профессиональную, культурную работу... 4) По вопросу заработной платы допущено резкое различие ставок между Госорганами и Хозорганами, что разлагающе действует на партийную рабочую массу»¹⁸. Как видно из ссылки на «судебные процессы», партийцы легитимировали свою позицию знаниями, полученными из профессиональной практики. Наряду с «предложениями» по проведению «нового курса», приложенными к письму, это свидетельствует о сознательности выбора.

Более информативный протокол оставило собрание ячейки при электростанции, состоящей из 19 членов и 3 кандидатов. Примечательно, что циркуляр об «излишествах» там зачитал Баранов, а два из шести постановлений по этому вопросу отражали критику партаппарата: «Обследовать условия жизни ответственных партийных работников» и «участие [ячейки] в деле дачи характеристик на всех перебрасываемых ответственных партработников»¹⁹. По вопросу о внутривнутрипартийной дискуссии докладывал член бюро ячейки Лазарь Наумович Шнейдерман²⁰. Молодой коммунист заявил, что Троцкий *не прав*, не соглашаясь «с мнением других товарищей по вопросу о проведении в жизнь сейчас же резолюции Цека»; оппозиционная резолюция, поддержанная собранием без прений, содержала призыв к «немедленному» ее проведению. Это довольно яркий случай «нетроцкистской» оппозиционности или «троцкизма» без Троцкого. Помимо требования «изжить» назначение «как систему» и защитить «свободу обсуждения и критики» от их «подведения под фракционность» резолюция включала признание «недопустимыми» «резкие выпады к отдельным личностям» на примере статьи Сталина (аналогичные протесты не были редкостью, но в Перми зафиксирован один случай). Ячейка также посчитала необходимым созвать городскую партконференцию «для выявления мнения» и «заклучения дискуссии», что по смыслу связано с упомянутым предложением Михайлова 22 декабря. Если бы причиной принятия резолюции была только более высокая сознательность членов ячейки, то скорее всего в резолюцию не попало бы предложение: «всем членам ячейки ознакомиться с дискуссионным материалом, для чего бюро ячейки подобрать последний»²¹. Важную роль сыграла позиция авторитетных членов окружного и городского комитетов – Баранова и Шнейдермана²².

Собрание членов бюро ячеек и ответработников Перми и Мотовилихи состоялось 29–30 декабря. Его протокол в архивных фондах не выявлен, но, судя по протоколу следующего собрания мотовилихинцев, большинство (92 человека) проголосовало за резолюцию Нанейшвили, содержащую критику оппозиции, а Баранов получил 68 голосов²³.

Тем не менее обеим сторонам нужно было заручиться поддержкой рядовых партийцев. Собрания в трех кустах Перми и в Мотовилихе состоялись 3 января. Первый куст заслушал доклад Орлова, и 115 человек проголосовали за его резолюцию в поддержку ЦК. Однако протокол умалчивает о содержании содоклада и проекта резолюции Михаила Павловича Матвеева²⁴, получившего 45 голосов²⁵. Важно отметить, что Матвеев был «рекомендован» (т.е. назначен) на должность заведующего пермским агитпропом вместо оппозиционера Михайлова 28 декабря²⁶. Судя по всему, это решение бюро окружкома было принято в связи с активной оппозиционной деятельностью Михайлова.

Во втором кусте схлестнулись Боровский и Шнейдерман. Протокол не раскрывает деталей «обширного доклада» главы городской администрации, а молодой агитпроповец сосредоточил внимание на двух вопросах. Во-первых, «возражая т. Боровскому», он заявил, что если «Сталин, Троцкий и т.д.» видят реализацию «партийной демократии» по-разному, то это не значит, что они создают «контрреволюционные группировки» (разумеется, Боровский не имел в виду Сталина со товарищи); «группировок в партии быть не должно, также не должно пресекаться свободное мнение каждого члена партии». Во-вторых, Шнейдерман критиковал «мнение, что если обновить аппарат, то работа пойдет насмарку», и считал, что «обновление аппарата» должно проводиться не «постепенно и осторожно», а «решительно». Однако даже повторное выступление, после прений, успеха ему не принесло: оппозиционная резолюция получила 37 голосов из 143 [Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) II куста..., л. 36]. Предположительно, большинство голосов принадлежало партийцам электростанции и учреждений юстиции. Решение членов большинства остальных ячеек (сфер коммунального хозяйства, торговли, управления, хозяйства и здравоохранения), находившихся в должностном подчинении Боровскому, могло быть объяснено оппортуни-

стическими соображениями.

Член окружкома Седых в своем докладе перед коммунистами третьего куста сосредоточился на критике «перетряски» аппарата, которой в Перми никто не злоупотреблял, так что аудитории было легче принять содоклад Михайлова, главный тезис которого заключался в более решительной борьбе с «бюрократизмом». «Необходимо удалить посредством перевыборов из аппарата всех неспособных проводить рабочую демократию, забюрократившихся партийцев. Предоставить больше прав ячейкам, давая им возможности свободно обсуждать все хозяйственные и политические вопросы», – призвал оппозиционер [Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) III куста..., л. 56]. Важно, что Михайлов сразу заручился поддержкой члена окружкома М. П. Чернышова, проделавшего путь от слесаря завода Лесснера до председателя горсовета, которым он стал в ноябре [Пермские..., 2008, с. 146]. Эти слова могли стоить ему карьеры: «Немедленно мы должны стать на путь рабочей демократии. Партийные аппараты оторвались от низов, не прислушиваются к голосу массы (забастовки). Ячейки работали под диктовкой аппаратов, которые не выдвигали вопросы, возникающие в низах. Резолюции X съезда надо пересмотреть, но не отменить. Освежение аппарата необходимо». Тем не менее произошло столкновение авторитетов. Следом выступил И. И. Сигов, составивший свой политический капитал участием в революционном подполье, сражением на фронтах и работой на ответственных должностях²⁷. «Для единства партии оппозиций, которые всегда выливаются во фракцию, быть недолжно. Пермская организация помнит пагубное влияние на некоторых членов партии Мясникова и не должна допустить возникновения новых оппозиций. Перерождения ответственных работников-партийцев под влиянием НЭПА нет», – такие категоричные формулировки, тем более из уст авторитетных партийцев, в Перми до сих пор не звучали. Но это не помешало следующему оратору подчеркнуть правоту Троцкого и заявить, «что только сейчас партия начала шевелить мозгами». В. Я. Тараканов, член бюро ячейки телеграфистов, помимо критики «бюрократизма», допустил такое высказывание: «Некоторые товарищи, прикрываясь ленинизмом, стараются затушевать ошибки руководящих партийных аппаратов»²⁸. Кайгородцев пошел дальше и заявил, что партия в условиях нэпа «будет иметь группировки»²⁹. Сторонники ЦК безуспешно убеждали собравшихся, что оппозиция противопоставляет себя ЦК («недопустима мысль, что в Ц.К. были случаи бюрократизма», – заявил один из них), но основной докладчик, Седых, судя по протоколу, предпочел не нагнетать атмосферу. Кроме того, в заключительном слове Михайлов признал ошибочную позицию Троцкого в дискуссии по профстроительству в 1920–1921 гг. и, судя по всему, не требовал ничего вызывающего, так что Седых ограничился признанием необходимости «удаления забюрократившихся» из аппарата, а его проект резолюции собрал 74 голоса против 179 отданных Михайлову [Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) III куста..., л. 57об].

Одновременно в Мотовилихе проходило многочисленное собрание (350 членов партии и около 100 беспартийных). Согласно протоколу Советников и Баранов сделали доклады «примерно такие же», как 29–30 декабря. Но, выступая в прениях, Баранов утверждал, что ЦК не сможет проводить «новый курс», ссылаясь на нереализованные решения XII съезда. В заключительном же слове Баранов пошел на попятную: «Я не говорил о разгоне аппарата; и мы не настаиваем на развернутой демократии. Надо перевыбрать комитеты на основе резолюции ЦК и кто против их проведения, тот враг партии. Ленин настаивал на пересмотре аппарата, указывая на его бюрократизм. ... В прениях выявлено единство. Если и были разногласия, то из-за недостатков положения». Советников использовал это, чтобы, отделив пермских оппозиционеров от оппозиции вообще («Баранова причислять к оппозиции нельзя полностью. Он ближе к ЦК, чем Сапронов, Преображенский и т.д.»), провести бомбардировку по всем недовольным и заключить: «Единство и проведение решений ЦК вот лозунг дня». Поддержка оппозиции мотовилихинскими коммунистами была немалой. Первое же выступление в прениях секретаря ячейки сталелитейного цеха С. С. Шубина³⁰ несло оппозиционный заряд: рабочий не только обвинил ЦК в невыполнении решений съезда, но и заявил: «В ячейках наших мы руководимся секретарями, что они скажут, то мы и сделаем». Кроме того, впервые обнаружились симпатии к наиболее левым проявлениям оппозиции: «Почему Сапронова не послали работать в рабочие массы? ЦК боялся, что он создаст группу рабочей оппозиции». Атмосфера собрания располагала к нарушению запретов. Столяр Г. П. Бурылов³¹, выразив несогласие с Советниковым, сказал: «Некоторые положения Мясникова сейчас приемлемы, а тогда ему зажал губком рот». В духе эгалитаризма было выдержано выступление Носкова: «ЦК выбирается коми-

тетчиками. Отдельных товарищей оттуда надо вытряхнуть и это надо провести по всей линии. Нам надо послать на Съезд рабочих с производства». Н. А. Федулова заострила внимание на другом аспекте: «Советников сам не верил, что говорил. ЦК вел не правильную политику, даже Шиврин здесь испугался дискуссии. Его приучили повиноваться, не рассуждать»³². Именно «свобода внутривнутрипартийной критики» была единственным оппозиционным пунктом резолюции, которую предложил Баранов.

В прениях участвовало равное число сторонников и противников оппозиции. Выступая перед голосованием, Советников увязал Мясникова со II Интернационалом, Носке и с другими врагами советской власти. Такая агрессивная политика памяти наравне с «мягкостью» позиции Баранова отразилось в итогах вотирования: за оппозицию – 35, за ЦК – 95 при 8 воздержавшихся [Протокол районного собрания Мотовилихи..., л. 14–14 об].

Таким образом, оппозиция получила 20,5% голосов во втором кусте, 71% – в третьем и 25% – в Мотовилихе, причем средний показатель «оппозиционности» равнялся 44%, что соответствовало уровню поддержки, выраженной оппозиции на собрании членов бюро и ответственных партработников 28–29 декабря (42%).

Пермские оппозиционеры прекратили деятельность, обрекая на неудачу выступления одиночек. Тщетной оказались попытки Шубина и Сильгина на конференции Мотовилихинской парторганизации 9 января оппонировать по вопросу о партстроительстве – против резолюции о поддержке ЦК было подано всего 2 из 68 голосов [Протокол I Мотовилихинской..., л. 81–82].

В отчете окружкома говорилось: «К партконференции [16–18 января], особенно после смерти Владимира Ильича [21 января], оппозиция умерла естественной смертью» [Информационный отчет..., л. 14]. Секретарь окружкома, намеренно занизив уровень поддержки оппозиции и объяснив ее победу в третьем кусте «случайностями», все-таки справедливо охарактеризовал пермских оппозиционеров, инициативное ядро которых – Баранов, Михайлов и Шнейдерман – подчинилось дисциплине сразу же после известий о результатах голосований в Перми и жесткой позиции уралобкома. «Наша оппозиция довольно ручная оппозиция, – писал Нанейшвили в уралобком и ЦК о результатах дискуссии. – Моя резолюция по докладу о работе XIII-й партконференции... была принята единогласно, оппозиционеры были в нетях: ни слова не проронили, а некоторые вовсе отсутствовали» [Общество и власть..., с. 447].

Поддержка «оппозиции 1923 года» не стала причиной репрессий в Перми, по крайней мере в 1924 и начале 1925 г. Отмечая, что «все-таки у оппозиции здесь было порядочно сторонников из служивого элемента», Нанейшвили не считал необходимым проводить «чистку» [Там же]. Поэтому на протяжении всего 1924 г. Баранов оставался в окружкоме и отвечал за агитпроп.

Оставляя в стороне общие причины поражения «оппозиции 1923 года», рассмотрим пермский случай как таковой. В ситуации внутривнутрипартийной борьбы в 1923–1924 гг. партийные «верхи» в борьбе за внутривнутрипартийную демократию были недостаточно активны, чему способствовала и избыточная пассивность и конформизм «низов». При этом, прибегнув к терминам Бурдые, можно сказать, что оппозиционеры, располагая низкоконкурентными политическими и символическими «капиталами» и не пытаясь изменить правил «политической игры», были обречены на проигрыш в существующем «политическом поле». Косвенным доказательством этого служит отсутствие обвинений во «фракционности». Судя по документам, Баранов и другие оппозиционные лидеры действовали исключительно как соперники в борьбе за голоса участников собраний и не пытались создать политическое поле или сеть солидарности с «низамми». Отстаивая общую программу оппозиции, они оставили без внимания конкретные местные проблемы, вокруг которых можно было бы мобилизовать рядовых сторонников перемен. Попытка реализации противоречащего ей «нового курса» внутривнутрипартийной демократии в рамках старой системы обнаружила всю непрактичность деятельности оппозиции.

В партархиве отложился интересный по своей редкости документ – письмо беспартийного рабочего Корсукова оппозиционеру Михайлову. Со ссылками на Преображенского, он защищал основные тезисы оппозиции и критиковал местных аппаратчиков. Но в конце письма звучала просьба: «...тов. Михайлов, постарайтесь сделать так, чтобы постановления X-го съезда партии начались проводиться в жизнь немедленно, к чему там страхи и опасения» [Письмо Корсукова..., л. 254]. Письмо датировано следующим днем после поражения пермских «левых», представители которых могли разувериться в сознательности и активности рабочих. Баранов, сделав доклад о ра-

боте окружкома на собрании коммунистов третьего куста (ранее голосовавшего за резолюцию Михайлова), видимо, был удивлен «неожиданным» отсутствием прений³³. Необходимость работы над «сырой массой» рабочих, широким потоком хлынувшей в партию во время так называемого «ленинского призыва», могла лишь усилить пессимизм.

Как показали выступления мотовилихинских рабочих 3 января, в оппозиционных «низах» проявилась тенденция к своеобразному пересмотру итогов политической приватизации власти. Перед «бюрократами», вольно или невольно осуществлявшими «политическую экспроприацию» рабочего класса, возникла угроза «экспроприации экспроприаторов». Весьма символичным выглядят первые слова упомянутого столяра Бурылова: «Я плохо говорю, но поучусь» [Протокол районного собрания Мотовилихи..., л. 15]. Это свидетельствует о сохранении тенденции защиты свободы слова и дискуссий, несущей угрозу такой форме «власти» аппаратчиков как «знание», посредством которого внимание партийцев отвлекалось от конкретных проблем и сосредоточивалось на призрачной угрозе «раскола партии». По тем или иным причинам партийные «низы» слишком поздно включились в дискуссию, не сумев противопоставить «верхам» свои орудия политического производства – организованность, групповую идентичность и солидарность.

Примечания

¹ На дискурсе оппозиционности в РКП(б) подробно остановился И. Халфин [*Halfin*, 2007].

² Таким компромиссным образом была озаглавлена статья о сопротивлении социалистов и анархистов большевистскому режиму и внутрипартийных оппозициях, написанная автором для проекта исторического энциклопедического словаря (под ред. К. Н. Морозова и А. В. Гусева).

³ Единственное исследование пермской оппозиции не затрагивало 1923–1924 гг. [*Шабалин*, 2003].

⁴ Местная партийная печать проигнорировала внутрипартийную дискуссию, ограничившись скупой информацией о результатах голосования на отдельных собраниях.

⁵ Отчет о партийно-организационной работе Пермского окружкома РКП(б) за период 1.11.1923–1.04.1924 // ПермГИАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 93; См. распределение ячеек по кустам: Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 37.

⁶ В октябрьском отчете Румянцев сообщал: «Но как бы не был недоволен рабочий сейчас чем либо, отношение его к Советской Власти и РКП не меняется, так что теперь его оппозиция, если можно так сказать, даже приятна, она вполне законна, и служит показанием критического отношения рабочих к строительству, тем паче, что разъяснение парторганов считается теперь, как самое авторитетное, и они всегда соглашаются, злой демагогии и обывательского нытья среди рабочих стало совсем мало, а растет сознательное критическое отношение, с целью лишь подтолкнуть ту или иную организацию» (ПермГИАНИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 429. Л. 62об). 20 ноября президиум райкома обсуждал вопрос «о ненормальностях взаимоотношений рабочих с администрацией», но эти проблемы, видимо, не имели политической нагрузки (Там же. Д. 424. Л. 58).

⁷ 25 сентября 1923 г. бюро Пермского губкома приняло «Инструкцию о плановой работе ячеек», согласно которой «райкомы прежде чем запрашивать план работы, должны выслать на места руководящие указания об очередности партийных задач и важности выдвигаемых вопросов в связи с общим положением промышленности, сельского хозяйства, а также исходя из местных условий...» (Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 81. Л. 28).

⁸ Ситуация в районе № 2 не могла сильно отличаться от ситуации в районе № 3, в котором согласно проведенному в августе 1923 г. «контрольному дню» из 350 человек (исключая ответственных работников) «марксистски развитых» было 4 человека, в то время как «требующих прохождения школы политграмоты» – 244 партийца! (Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 103. Л. 69).

⁹ Из характеристики, данной А.И. Баранову в 1925 г. секретарем окружкома: «Член РКП(б) с 1917 года, работник Губернского масштаба по партийной и профессиональной отрасли. Марксистски хорошо подготовлен, в работе живой, энергичный, в политической обстановке ориентируется. В дальнейшем целесообразно использовать на профессиональной работе» (Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 8).

Секретная телеграмма секретаря окружкома в ЦК РКП(б) и комфракцию в ЦК профсоюза металлистов 20 декабря 1923 г. содержала противоречивую оценку: «Тов. Баранов снят с работы в райкоме [профсоюза] металлистов вследствие того, что он по своему характеру не подходит для работы среди металлистов, так как действовал иногда без ведома райкома, самостоятельно, что раздражало рабочих и на этой почве были конфликты и осложнения с мотовилихинскими рабочими и до настоящего времени к нему чувствуется отрицательное отношение» (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 56). Других свидетельств «раздражения» рабочих Барановым не обнаружено, что наталкивает на предположение, что конфликты у Баранова могли быть с функционерами, а не с рабочими.

¹⁰ ПермГИАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155. Л. 76. Здесь и далее цитируются протоколы ячеек.

¹¹ Там же. Л. 75.

¹² Примечательно, что в ноябрьско-декабрьском номере «Пролетария», ежемесячнике окружкома, была опубликована статья Баранова, по сути, пересказывавшая статью Зиновьева. После появления резолюции ЦК

5 декабря автор добавил постскрипtum: «В итоге принципиальной дискуссии выявлено полное единство партии. Пусть не надеются враги пролетарской революции, что споры и дискуссия по вопросам о состоянии партии внесут раздоры и раскол» [Баранов, 1923, с. 11].

¹³ ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155. Л. 57.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 79–80. Протокол велся крайне тенденциозно, например: «Тов. Юдин приводит несколько на этот счет фактов, который носят чрезвычайно малый характер и не по существу», «Подробно останавливается на возражение ему кое-кого (из оппозиционеров? – А. Р.)»

¹⁶ Там же. Л. 73.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ Там же. Л. 85.

¹⁹ Там же. Л. 77.

²⁰ Род. в 1902 г. в Кунгуре, погиб (расстрелян) 26 мая 1937 г. в Москве [Жертвы...]. Член партии с 1919 г. Исполнял обязанности заведующего Усольским политпросветом, осенью 1923 г. был секретарем пермского уездного комитета (ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 82. Л. 94).

²¹ Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155. Л. 77, 77об.

²² В докладе ячейки электростанции за январь-март 1924 г. секретарь отметил «солидный практический стаж» Шнейдермана (Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 95. Л. 103об).

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 19–19об.

²⁴ 1894 г.р., в партии с 1918 г. Сын известного пермского социал-демократа-интернационалиста П. А. Матвеева. О нем см. [Резник, 2008, с. 236–239].

²⁵ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

²⁶ Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 718. Л. 38.

²⁷ В ноябре 1924 г. он был инвалидом. Важно и то, что в характеристике, данной Сигову секретарем партячейки, утверждалось, что за ним «никаких уклонов от большевистской линии не замечалось» (Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 92).

²⁸ Позже противник «перетряхивания аппарата» скажет: «Угроза ленинизму в выступлениях тов. Преображенского есть» (Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86. Л. 57).

²⁹ Откликаясь, видимо, на этот тезис, Будрин таким образом обоснует «необходимость встать на точку зрения ЦК»: «Оппозиция идет по наклонной плоскости, группа, фракция, а потом раскол» (Там же).

³⁰ Шубин Сергей Степанович (1892–1934), рабочий-слесарь, в РКП(б) с 19 июля 1917 г., на 1924 г. – секретарь ячейки сталелитейного цеха Мотовилихинского завода (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Л. 64, Учетная карточка образца 1926 г. на Шубина Сергея Степановича).

³¹ Бурьлов Георгий Петрович (1884 – дата смерти не выявлена), в партии с 1 августа 1917 г., рабочий (столяр модельного цеха ММЗ), в 1918–1920 гг. рядовой РККА, в 1920–1922 гг. приказчик, с 1922 по 1930 г. – столяр, затем работал десятником, заметителем начальника, учетчиком, токарем, модельщиком (ПермГАНИ. Учетная карточка... на Бурьлова Георгия Петровича).

³² «Федулова выступала против ЦК, а сама являлась чистейшим бюрократам в своей работе», – сказал в заключение Советников [Протокол районного собрания Мотовилихи..., л. 15]. Казусу Федуловой автором планируется посвятить отдельное исследование.

³³ Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86. Л. 65.

Библиографический список

Daniels R. V. Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960.

Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.

Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44.

Murphy K. J. Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Chicago, 2005.

Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006.

Баранов А. Очередные задачи партии // *Пролетарий*. 1923. № 11–12.

Вилкова В. П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: документы и материалы. 1923. М., 2004.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / О-во «Мемориал» и др. М., 2007.

Информационный отчет пермского окружкома за декабрь 1923 – январь-февраль 1924 года // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11.

Коротаев Ф. С. Коммунисты Урала в борьбе за единство рядов РКП(б) (1921–1925 гг.) (В помощь

- учителям истории). Пермь, 1968.
- Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.
- Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край: документы и материалы. Пермь, 2008. Т. 1.
- Олех Г. Л.* Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию, 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992.
- Отчет инструктора Пермского губкома. 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 55.
- Отчет о партийно-организационной работе Пермского окружка РКП(б) за период 1.11.1923 – 1.04.1924 // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45.
- Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. Пермские градоначальники. Пермь, 2008.
- Письмо И. П. Румянцева в губком 19 октября 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 429.
- Письмо И. П. Румянцева в губком, уралбюро и ЦК 19 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 307.
- Письмо Корсукова Михайлову 4 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 131.
- Протокол I Мотовилихинской районной партийной конференции 9 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70.
- Протокол I Пермской окружной конференции РКП(б) // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16.
- Протокол городской конференции РКП(б) 2 декабря 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 204.
- Протокол пленума райкома № 2. Октябрь. 1923 // ПермГАНИ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205.
- Протокол районного собрания Мотовилихи 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70.
- Протокол расширенного пленума Пермского горрайкома РКП(б) совместно с бюро ячеек и членами партии 22 декабря 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155.
- Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) II куста горрайкома 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86.
- Резник А. В.* Не красные, но с красными: пермские интернационалисты в 1917–1920 гг. (по архивным материалам ГОПАПО) // Гражданская война на Востоке России: матер. всерос. науч. конф. (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь, 2008.
- Роговин В. З.* Была ли альтернатива? (Троцкизм: взгляд через годы). М., 1992.
- Сведения о количестве ячеек и количестве членов и кандидатов РКП(б) по райкомам Пермского округа на 1 января 1924 года // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45.
- Суслов А. Б.* Борьба Уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919–1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989.
- Шабалин В. В.* Пейзаж после битвы: Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь, 2003.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2011